

«Посланник Серебряного века»

Феномен настоящего искусства вряд ли поддается внятным объяснениям и уж абсолютно точно в них не нуждается. Вряд ли справедливо будет утверждение, что Вы сделали себе «имя в искусстве», - Вы стали его частью, течением, направлением, жанром, родившимся в Вас и ушедшим вместе с Вами - удел не просто «имени», а редчайшей индивидуальности.

Вы нашли золотую середину, Вы обосновались между сложными поэтическими конструкциями «небожителей Серебряного века» и примитивными кабацкими напевами. «Песенки» Ваши вряд ли входили в поэтические анналы - они существовали самостоятельно - но только последний чурбан мог назвать их пошлыми. Вы покоряли и очаровывали всех - от Шостаковича и Качалова до билетерш провинциальных концертных залов («не хвалить», я помню, но это не похвала, а констатация). И сегодня Вы для нас - если не символ Серебряного века, то уж как минимум его посланник - полпред, выражаясь языком постреволюционной эпохи.

«От страха перед публикой, боясь своего лица, я делал сильно условный грим: свинцовые белила, тушь, ярко-красный рот. Чтобы спрятать свое смущение и робость, я пел в таинственном «лунном полумраке», но дальше пятого ряда меня, увы, не было слышно».

Маска должна была рассыпаться, упасть - она лишь скрывала от любопытных глаз формирование Лица. И для нас, сегодняшних, Вы - Маэстро, ломкая фигурка Лунного Пьеро колеблется лишь в ароматной дымке Серебряного века. Сегодня Вас слышно гораздо дальше пятого ряда - и будет слышно дальше двадцатого века. К Вашему голосу добавились голоса тех, кому Вы подарили жизнь, - так случилось, что мало кто из Вашей семьи нуждается в особом представлении.

Конечно же, это не случайность - вряд ли и ко всему, что Вас касается, возможно применение этого легковесного слова. И то, что Ваш первый бенефис состоялся в день штурма Зимнего. И то, что вернулись Вы на Родину в сорок третьем - одиночка, неподвластный потоку. Посланник...

И не случайно Ваши «песенки» довольно быстро стали явлением социальным, хотя и намека в них не было на «злобу дня», - остаются им и по сию пору.

Лунный Пьеро

Маэстро

С супругой Лидией Владимировной

Настя и Маша с папой

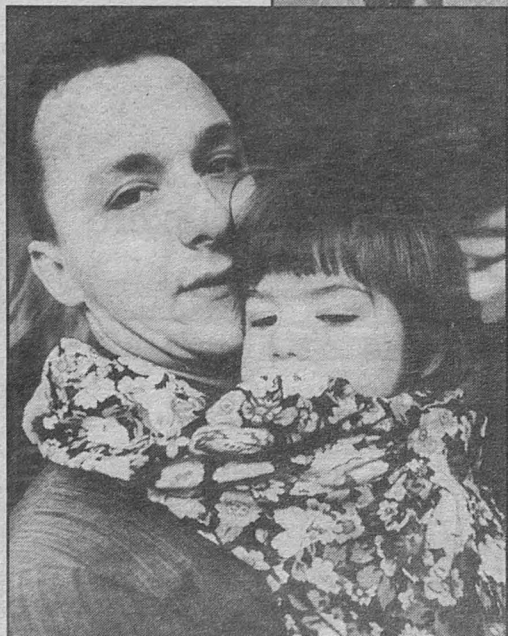
Анастасия

Никита Михалков с сыном Степаном

«Мой жанр не всем понятен. Но он понятен тем, кто много перенес, пережил немало утрат и душевных трагедий, кто, наконец, пережил ужасы скитаний, мучений в тесных улицах города, кто узнал притоны с умершими духовно людьми, кто был подвержен наркотам и кто не знал спокойной, застойной «уютной жизни»...»

Ст. Михалков с дочкой Сашей

Помилуйте, да не про нас ли, ныне живущих, это писано? Многие ли из нас не подвержены нынче «наркотам», многие ли знают спокойную жизнь? И существовать на самом деле табельная доска, о которой Вы поминали в своих записках-размышлениях, - вполне возможно, что люди стояли бы в бесконечной очереди для того лишь, чтобы отдать Вам свой жетончик признательности.

Хорошо, что нет этой доски, эти жетоны - с нами. И мой скромный жетончик - он тоже принадлежит Вам и Вашим близким.

Владимир МАРТЫНОВ

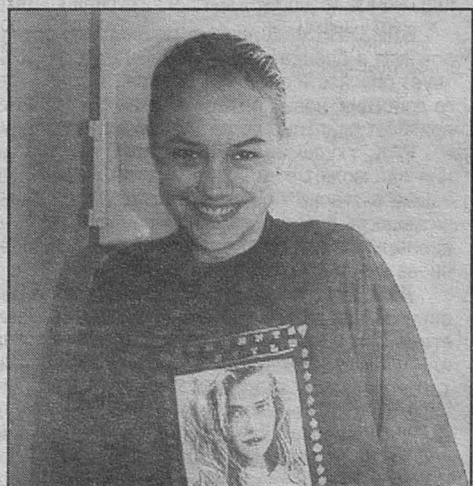
Саша Вертинская - Былинкина

Марианна

Марианна, Борис Хмельницкий и внуки Маэстро - Саша и Даша

Даша Хмельницкая

P. S. Эта «верхушка» генеалогического древа семьи Вертинских - для тех, чьи жетоны признательности принадлежат ее членам. Надеемся, что те из них, кто по причине молодости нуждается в представлении, скоро перестанут в нем нуждаться.